

УДК 1(091)+141.32+273.1

Я. А. Коховец

Белорусский государственный университет

СМЫСЛОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТИКИ С. КЬЕРКЕГОРА И ГНОСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ВАЛЕНТИНА

В статье осуществлена историко-философская реконструкция и компаративный анализ гностической антропологии Валентина и экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора. В результате проведенного компаративного анализа выявлены смысловые параллели между гностической антропологией и экзистенциальной диалектикой, позволившие раскрыть экзистенциальные мотивы в гностицизме и гностические основания экзистенциализма С. Кьеркегора. Статья посвящена осмыслению проблемы антропологического кризиса и поиску решения вопроса о перспективах выживания человечества в современном мире. Исходя из поставленной цели обоснован методологический потенциал гностической и экзистенциальной диалектики в решении вопроса о выборе и самоосуществлении человека перед лицом современного антропологического кризиса. Обосновывается возможность их использования как методологических приемов для осуществления саморазвития современного человека, осуществления им самоопределения перед лицом экзистенциально-антропологических вызовов.

Ключевые слова: гностицизм, экзистенциализм, диалектика, антропология, процессуальность, бытие, выбор.

Для цитирования: Коховец Я. А. Смысловые параллели экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора и гностической антропологии Валентина // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (69). С. 176–180. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-32.

Ya. A. Kakhavets

Belarusian State University

SEMANTIC PARALLELS OF S. KIERKEGAARD'S EXISTENTIAL DIALECTICS AND VALENTIN'S Gnostic ANTHROPOLOGY

The article presents a historical and philosophical reconstruction and comparative analysis of the Gnostic anthropology of Valentin and the existential dialectic of S. Kierkegaard. As a result of the comparative analysis, semantic parallels between Gnostic anthropology and existential dialectics were revealed, which allowed us to reveal the existential motives in Gnosticism and the gnostic foundations of S. Kierkegaard's existentialism. The article is devoted to the understanding of the problem of the anthropological crisis and the search for a solution to the question of the prospects for the survival of humankind in the modern world. Based on this goal, the methodological potential of gnostic and existential dialectics in solving the issue of human choice and self-realization in the face of modern challenges and anthropological crisis was substantiated. The possibility of their use as methodological techniques for the self-development of modern man, the implementation of self-determination in the face of existential and anthropological challenges is substantiated.

Keywords: gnosticism, existentialism, dialectic, anthropology, processuality, being, choice.

For citation: Kakhavets Ya. A. Semantic parallels of S. Kierkegaard's existential dialectics and Valentin's gnostic anthropology. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, no. 1 (269)*, pp. 176–180 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2023-269-1-32.

Введение. Жизнь представляет собой творческий процесс постоянного изменения, разрушения и созидания человеком окружающего мира. Однако современный человек ищет наполнения извне, ищет того, что может стать его собственным содержанием, но в условиях рыночных отношений он, как покупатель, не несет ответственности за товар. Самосозидание замещается следованием за брошюрными инструкциями или же вовсе подражанием говорящей голове с голубого

экрана. Форма превалирует над содержанием, гармония рушится. Антропологический кризис все явственнее предстает как тотальная угроза, ставящая под вопрос выживание человечества.

В свое время античные гностики, а позднее датский теолог и философ Сёрен Кьеркегор попытались осмыслить суть экзистенциальной проблемы и возможность выхода из нее. Каждый мнит себя судьей другому, гностицизм же, как и экзистенциализм, предлагает в первую

очередь обратиться к неповторимому опыту бытия человека.

Основная часть. Учение Валентина (100–160 г. н. э.) стало вершиной, кульминацией сирийско-египетской гностической мысли. В его учении представлена квинтэссенция гностической антропологии, в которой сформулированы следующие антропологические элементы: негативная оценка телесности (как и всей материальности), заключающаяся в том, что тело есть тюрьма души; онтологическое принижение души по отношению к духу, душа не является самосущей, она находится в состоянии становления; идентичность человеческого духа божественному бытию, а значит, и возможность человеческого обожения; осознание своей духовной сущности является залогом спасения, не реализуемого в этом мире; антропологический дуализм природы человека (Плоть/Дух) естественный для западного типа мысли; наличие учения о духовном пробуждении; примат личного откровения перед книжным, неповторимость экзистенциального опыта.

Учение Валентина получило развитие у его учеников – валентиниан. Обратимся к словам современного Белорусского религиоведа Данилова А. В.: «Согласно валентинианам, человек сотворен демоническими силами как дефицитарное существо и затем еще подпорчен другими духами. Однако Бог наделил его духовными способностями к богопознанию и созерцанию божественного мира: ему “ниспослано семя высшей природы”, гарантирующее ему качество свободы и творчества...» [1, с. 27].

Антропология Валентина схожа со многими гностическими системами (такими, как система Василида, севиан, офитов), в которых представлена трехчастная природа человека. Валентин классифицирует людей на три категории:

1) Духовные/Пневматики – максимально близки к богу и имеют возможность истинного знания и богообщения, соответственно, обладают гарантированным спасением. Данные возможности обусловлены присутствием в их устройстве духа как частицы божественного заточенного в материальном теле.

2) Душевные/Психики – представлены людьми, внутри которых есть потенция, но она требует актуализации. Они находятся дальше от Бога и спасение среди них нестабильно. Дело заключается в том, что наличие или отсутствие в человеке духа возможно к распознаванию только опытным путем через приятие им гностического учения, когда воспринявший автоматически получает откровение духа. Если же человек находится в состоянии духовного поиска, если он небезразличен к слову истины и

ставит перед собой этическое вопреки эстетическому, то он скорее будет отнесен к разряду людей душевных.

3) Материальные/соматики – гарантированно неспасенные люди, чья жизнь состоит лишь в удовлетворении своих потребностей и страстей. Такого человека не интересуют вопросы спасения, морали и нравственности. Можно сказать, что на данном этапе соматик не является в полном смысле личностью, которую представляет собой психик, являясь скорее оболочкой, лишенной содержания. При этом стоит заметить, что душевная субстанция так или иначе присутствует во всем, хотя бы и в зачаточном состоянии (как у соматика), ибо она мыслится как носитель сознания.

Только дух, согласно гностикам, есть образ Божий, но не человек в целом. Таким образом, в гностицизме мы находим трихотомическую антропологию – идеальный человек состоит из плоти, души и духа.

Человек является заброшенным в этот мир осколком божественного, отягощенным ризами материи. У него нет родины в этом мире, у него нет цели, и даже желания ему неподвластны. Он – лишь лист на ветру. Ветер судьбы полностью управляет человеком, готовый занести его по своему усмотрению. Единственное, что может человек – это вспомнить, откликнуться на персональный зов свыше. И только это воспоминание, дарованное ему, способно освободить и обещать возвращение домой, в горний мир. Именно носителем этого воспоминания и одновременно божественной сущности в человеке является дух. Правомерно полагать, что душа у гностиков мыслится источником разума и сознания человека.

Именно наличием или отсутствием этих трех элементов и характеризуется человек. При этом человеку разумному и душевному еще дается шанс на спасение. Не обладая частицей святости, он может достичь спасения путем отречения от страстей, изначально грешный, родившийся вновь в теле младенца, человек должен пройти путь праведности и добиться спасения через мучения. Человек же телесный, находится по своему состоянию ближе к собаке, чем к душевному человеку, не говоря уже о духовном сверхчеловеке, и уж точно не предназначен для горнего мира. Таким образом, Валентин использовал свое учение как инструмент, своеобразный компас, метод, посредством которого достигается спасение.

Считаем правомерным утверждать, что сходные валентиновской антропологии элементы можно усмотреть и в экзистенциальной философии: трехстадийность, потенция развития человека, возможность услышать зов и

встать на путь обожения, посредством уникальной экзистенциальной практики, которая может быть реализована как личный неповторимый никем акт. Датский философ-экзистенциалист Кьеркегор С. разработал собственную концепцию трех сущностных стадий человеческого бытия. Приведенные стадии не детерминированы ни пространством, ни временем, а представляют собой переход, осуществляемый посредством экзистенциального «скачка» (гностического перерождения), который полностью меняет отношение человека к окружающей его действительности, другим людям и к себе.

Первая – эстетическая стадия (Дон Жуан) представляет низшую ступень человеческого существования. Эстетик живет жизнью «дырявого сосуда», который для сохранения своего содержания требует постоянного наполнения. Образ жизни эстетика, ставящего во главу угла принцип наслаждения, направлен на искусственную «эстетизацию» внешней формы бытия, при этом он не формирует сущностного содержания и отношения «Я – мир». «Наслаждение эстетика всегда эксцентрично, так как его жизненный центр в периферии. Центр личности должен, между тем, находиться в ней самой, поэтому тот, кто не обрел самого себя всегда эксцентричен. Настроение этика, напротив, сконцентрировано в нем самом: он трудился и обрел самого себя...» [2, с. 313].

Беззаботная праздность жизни эстетика порождает его отчужденность от самого себя, он как бы находится на периферии отношений не только с миром, но еще и с самим собой, не обращаясь к собственному содержанию. Поворотом от центробежной к центростремительной силе в душе эстетика становится состояние меланхолии, порождающей отчаяние, которое оказывается поворотной точкой, приводящей человека к «сомнению бытием», выходом из которого является выбор подлинного «*posce te ipsum*», ответственности и самоактуализации. В отличие от концепции Валентина, зов, который слышит эстетик, звучит изнутри его самого, а не извне.

Вторая – этическая стадия (Дон Кихот) открывается человеку посредством волевого акта выбора, который выбрасывает человека из мира формирующих его случайностей и природного животного состояния, определенного стремлением к наслаждению, в мир ответственности и осознания своей значимости как человека. Акт выбора предполагает, что отныне человек определяет себя сам. При этом выбор является актом не рации, но воли, которая становится началом уже не индивида, а личности человека. «Выбор сделан, и человек обрел себя самого, овладел самим собою, то

есть стал свободной, сознательной личностью, которой и открывается абсолютное различие или познание – добра и зла» [2, с. 305]. Этот переход является истинным рождением человека как автономного от обстоятельств, свободного к принятию самого себя, свободного существа, пробуждающего при этом духовность. Пробуждение духа позволяет личности получить свободу посредством возможности к распознаванию добра и зла, как «или – или», превращенных из относительных категорий в абсолютные противоположности.

Целесообразно подчеркнуть, что истинное пробуждение возможно только в ситуации отчаяния: «В жизни каждого человека рано или поздно настает момент, когда непосредственность, так сказать, теряет свое главное жизненное значение, и дух стремится проявить себя в высшей форме сознательного бытия. Непосредственность, как цепь, привязывала человека ко всему земному, теперь же дух стремится уяснить себя самого и извлечь человеческую личность из этой зависимости, чтобы она могла сознать себя в своем вечном значении» [2, с. 238].

Таким образом, мы видим своеобразную ситуацию «вызова – ответа», характерную также и для гностического учения о человеке, в частности в ответе души на «Зов». Проблемой этика является то, что, пытаясь построить свою идентичность, он рискует упасть в состояние морализаторства, возомнить себя тем, кто в праве «первым бросить камень».

Третья – религиозная стадия характеризуется фигурой рыцаря веры Авраама. Суть ее в переориентации человека от негативной свободы отказа на позитивную свободу «для». Переход на религиозную стадию возможен только посредством экзистенциального прыжка-отречения. Если при переходе на этическую стадию человек совершает выбор в пользу созидания себя через общечеловеческое, вплоть до самоотречения, то для достижения религиозной стадии необходим отказ от этики рации в пользу абсурда веры и обратное принятие своей конечности в отношении Абсолюта. Переход на нее связан с тотальным экзистенциальным риском: человек теряет себя прежнего, не имея гарантий того, что он нечто приобретет и кем-то станет.

Важно отметить, что С. Кьеркегор классифицировал два типа религиозности: «неспособную» (формализованно-институциональную) и собственно-подлинную (субъективно переживаемую). Рыцарь Веры является единичным героем, который, в свою очередь, не может помочь другому Рыцарю, ведь вера начинается там, где прекращается мышление, и индивид встречается с экзистенциальным опытом. С. Кьеркегор подчеркнул, что Рыцарь Веры всегда свидетель

и никогда не учитель, ибо опыт переживания Рыцаря невозможно передать. С. Кьеркегор писал: «Тот, кто стремится быть только свидетелем, признает тем самым, что ни один человек, даже самый незначительный, не нуждается в сочувствии другого человека и не должен быть унижен этим сочувствием, чтобы другой мог на этом возвыситься. Но поскольку то, что он завоевал сам, отнюдь не досталось ему дешево, он и не спешит предлагать это по дешевке; он не настолько жалок, чтобы принимать восхищение людей, платя им за это молчаливым презрением; он знает, что все поистине великое одинаково доступно всем» [3, с. 61].

Экзистенциальная диалектика С. Кьеркегора противостоит диалектике Г. В. Ф. Гегеля, так как переход на религиозную стадию не подчиняется закону перехода количественных изменений в качественные. Экзистенциальная ситуация выбора – это качественный скачок, не связанный с количественными параметрами. Первые две стадии (эстетическая и этическая) не обязательно приведут человека к третьей.

На основе проведенного анализа для нас являются значимыми два вопроса: возможно ли соотнесение гностических этапов со стадиями экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора, а также насколько оправданна интерпретация Рыцаря Веры как истинного гностика?

Соматическая, или эстетическая, стадия в обоих случаях мыслится как в своем роде нулевая. Ни эстетик, ни соматик не являются в полном смысле слова личностью, не имеют реального содержания. Пустота внутри заставляет их бесконечно метаться к различным источникам потенциального наполнения в соответствии с принципом наслаждения.

Порожденный отчаянием переход на этическую, или психическую, стадию, открывает гностику самого себя вместе с новым для него принципом ответственности. Античные критики гностицизма, такие как Климент Александрийский [4, с. 25] и Иринея Лионский [5, с. 17], сообщали о разнообразии подходов к социальному, или этическому, аспекту достижения спасения: от попыток построения бесклассовых коммун с полной эмансипацией и отменой принципа частной собственности до превращения понятия греха в поведенческий образец и призыв к действию. В этот момент гностик осознает свободу в возможности спасения, что не являлось доступным ему на первой стадии и уже не будет доступно на стадии духовной, стадии сверхчеловека.

На второй, определенной С. Кьеркегором стадии, этической, человеку лишь кажется, что им движет принцип ответственности, раскрывается дорога к самосовершенствованию

через «общечеловеческое» и вместе с этим самосовершенствование окружающего мира через созидание.

На последней стадии подлинной духовности, согласно С. Кьеркегору, человек входит уже в прямое общение с богом. Его вера, – пишет С. Кьеркегор, – «есть такой парадокс, что единичный индивидуум стоит выше всеобщего». Однако переход человека на духовную стадию не возможен без присутствия в нем частицы божественного. Исходя из этого, человек не в полной мере является субъектом отношений «человек – божественное», скорее, представляет собой формулу общения «божественное – божественное», что, в принципе, отказывает человеку в субъектности как таковой. Гностик, таким образом, призван не искать Бога, а открыть его в самом себе.

Характерными для гностической антропологии и экзистенциальной диалектики С. Кьеркегора трех стадий бытийного осуществления человека будут переходящие друг в друга последовательные стадии: «спящее – делающее – ставшее», или же «неподлинно сущее – самосоиздающееся – подлинно сущее».

Рыцарь Веры, согласно мысли С. Кьеркегора, совершает выбор не рациональный, а экзистенциальный: он не может не выбрать Бога. В отличие от экзистенциального выбора, гностический выбор сводится к тому, что Бог не может не выбрать Бога. «Те души, в которых дух жизни, будут жить в любом случае и зло не коснется их. Сила входит в каждого человека, поскольку без нее он не в силах подняться. Сразу после того, как душа рождается, дух жизни входит в нее. И этот сильный дух жизни укрепляет силу, то есть душу, и душа уже не способна заблуждаться и впасть во зло» [6, с. 318]. Схожесть этих двух типов выборов заключается в том, что они иррациональны и необъяснимы для окружающих.

Истинный гностик и Рыцарь Веры являются собой пример того, как в проанализированных концепциях рассматривается выход на подлинно духовную стадию человеческого существования. Являясь подлинно сущими (для гностика подлинно сущим будет именно духовная, божественная субстанция), они получают истинную свободу «для» самоопределения и самопреодоления, что и есть, по существу, подлинное существование.

Заключение. В результате проделанного анализа полагаем правомерным утверждать, что экзистенциальная и гностическая диалектики имеют много точек соприкосновения: трехчастность и процессуальность человеческого бытия; оба учения предлагаются как компас к достижению спасения; переживание личного откровения возвышается над откровением книжным,

является неповторимым экзистенциальным опытом; спасение не носит утилитарного характера в этом мире; экзистенциальная и гностическая диалектики противостоят диалектике Г. В. Ф. Гегеля, так как переход на религиозную стадию не подчиняется закону перехода количественных изменений в качественные; путь восхождения идет от телесного к духовному, от человека к богу, от формы к содержанию.

Более того, эти два типа диалектики обладают методологическим потенциалом не только для понимания современного антропологического кризиса, но и для поиска решения выхода из него, или, другими словами, для совершения диалектического скачка, который позволил бы человеку перейти на качественно иную ступень существования: преодолеть в себе «человеческое, слишком человеческое».

Список литературы

1. Данилов А. В. Антропологическая матрица гностицизма как контекст формирования раннехристианской антропологии // Скрижали. 2021. Т. 21. С. 91–120.
2. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев: AirLand, 1994. 504 с.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
4. Климент Александрийский. Строматы: в 3 т. СПб.: Абышко: Библиополис, 2003. Т. 2, кн. 4–5. 334 с.
5. Irenaeus Lyonensis. *Adversus haereses libri quinque*, in *Patrologia Graeca*. Paris: J.-P. Migne, 1857. Т. VII–1. Col. 433–1118 (In Ancient Greek and Latin).
6. Афонасин Е. В. Античный гностицизм: фрагменты и свидетельства. СПб.: Абышко, 2002. 365 с.

References

1. Danilov A. V. The Anthropological Matrix of Gnosticism as a Context for the Formation of Early Christian Anthropology. *Skrizhali* [Skrizhali], 2021, vol. 21, pp. 91–120 (In Russian).
2. K'yerkegor S. *Naslazhdeniye i dolg* [Pleasure and Duty]. Kyiv, AirLand Publ., 1994. 504 p. (In Russian)
3. K'yerkegor S. *Strakh i trepet* [Fear and Awe]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p (In Russian).
4. Kliment Aleksandriyskiy. *Stromaty: v 3 t.* [Stromata: in 3 vol.]. St. Petersburg, Abyshko Publ., 2003, vol. 2, book 4–5. 334 p. (In Russian).
5. Irenaeus Lyonensis. *Adversus haereses libri quinque*, in *Patrologia Graeca*. Paris, J.-P. Migne Publ., 1857. Т. VII–1. Col. 433–1118 (In Ancient Greek and Latin).
6. Afonasin E. V. *Antichnyy gnostitsizm: fragmenty i svidetel'stva* [Ancient Gnosticism: fragments and evidence]. St. Petersburg, Abyshko Publ., 2002. 365 p. (In Russian).

Информация об авторе

Коховец Ярослав Александрович – аспирант факультета философии и социальных наук. Белорусский государственный университет (220004, г. Минск, ул. Кальварийская 9, Республика Беларусь). E-mail: Kakhavets.yaraslau@gmail.com

Information about the author

Kakhavets Yaraslau Aleksandravich – PhD student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences. Belarusian State University (9, Kalvariyskaya str., Minsk, 220004, Republic of Belarus). E-mail: Kakhavets.yaraslau@gmail.com

Поступила 23.02.2023